

ИННОВАЦИОННЫЙ ВЫБОР СТРАН «ТРЕТЬЕГО МИРА»: МОТИВАЦИИ И МОДЕЛИ

П.С. СЕЛЕЗНЕВ

В современной литературе, посвященной проблемам инновационного развития государств рубежа XX – XXI вв., основной акцент делается на технологической, экономической и/или социальной стороне вопроса. Тем не менее, заявка на реализацию инновационного проекта является, прежде всего, политическим выбором руководства тех стран, которые стремятся принять реальное участие в международной конкуренции, обозначить амбиции регионального или глобального лидерства. Долгое время считалось, что монополией на прогресс и интенсивный путь развития обладают лишь те страны, которые придерживаются «правильного», либерально-демократического курса в политике и рыночных приоритетов в экономике.

Концепты прогресса и опережающего развития заложены в самих основах западной цивилизации. Политическая культура ведущих стран Запада изначально исходила из постулирования необходимости обеспечения наиболее комфортного существования человека в земной жизни даже в те времена, когда в мире господствовала религиозная парадигма, а Церковь была мощной политической силой. Тем не менее, христианские конфессии на Западе (католицизм, протестантизм) по своим морально-нравственным и политическим установкам существенно отличались от приоритетов других мировых религий, и прежде всего восточных (включая православие). Дух «первенства» и «конкуренции» нашел свое отражение, в первую очередь, в протестантской этике, которая ориентировалась преимущественно на «посюстороннее» и рассматривала земную активность человека как его служение Богу. Соответственно, за свои труды усердный получает благоволение свыше. Это отмечал один из родоначальников социологии и политологии Макс Вебер¹. Подобной точки зрения придерживаются и некоторые современные ученые. «Большинство постулатов и норм, лежащих в основе современной этической культуры хозяйствования, современного морального отношения к труду и коммерческой деятельности, уходит своими корнями в протестантскую этику. В период Реформации западноевропейские страны пережили важный духовный переворот, сущность которого состояла в новом осмыслении труда и богатства. Согласно представлениям идеологов Реформации Лютера и Кальвина, труд является не наказанием, а божественным призванием, предназначением человека. Цель труда – не искупление греха и не спасение от греха праздности, а приобретение и умножение богатства, накопление собственности, стремление к прибыли. Переосмысление роли труда наряду с установкой на максимальную прибыль, финансовый успех привели и к новой оценке роли собственности и богатства в жизни человека. В протестантской этике собственность важна как основа и фундамент свободы личности»², – отмечалось в аналитическом исследовании под редакцией академика Г.Б. Клейнера.

Такого рода подход во многом лег в основу многолетней политики Запада по обеспечению опережающего характера развития и достижению глобального лидерства. Более того, из подобного мироощущения вытекает и концепция прогрессивной, цивилизаторской миссии Запада в его взаимоотношениях с внешней средой, иными цивилизационными мирами. При этом признается только линейная версия исторического прогресса, базирующаяся, прежде всего, на идеях передового политического, экономического и технологического развития. Соответственно, все остальные основания прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо выносятся за скобки и считаются вторичными, либо отвергаются в принципе. Поэтому за западными странами и народами признается право лишь на догоняющее развитие, причем идущее по пути, проторенному ведущими странами Запада, и лишь по уже «утвержденным» последними «лекалам». Первоначальный экономический снобизм Запада стал постепенно дополняться также идеями политического прогресса, и здесь опять же он претендовал на глобальное лидерство и статус «законодателя мод». Все остальные способы политического развития признавались как девиантные и неистинные. Апогеем такого подхода стала концепция «демократического транзита», получившая распространение как в политической теории, так и на практике в 1980 – 1990-е гг. Она постулировала необходимость движения всего человечества в направлении западного (либерального) варианта демократии, отрицая при этом не только тоталитарные и авторитарные модели, но даже альтернативные формы демократического режима. Апогеем такой однозначной трактовки политического и социально-экономического прогресса стала теория американского ученого Ф. Фукуямы о «конце истории». В своей работе с аналогичным названием он объявлял либерально-демократический и рыночный путь единственно верным, фактически «венцом» истории человечества, а победу Запада в борьбе за мировое господство безоговорочной.

Тем не менее, начало XXI в. поставило под сомнение такие выводы.

Во-первых, выяснилось, что либерально-демократический путь развития не является универсальным и таит в себе существенные риски, особенно для незападных стран-реципиентов.

Во-вторых, глобальный финансово-экономический кризис 2008 – 2010 гг. поставил под сомнение и универсальность либеральных рыночных основ современного Запада, и базовые принципы капитализма (такие, как конкуренция, свободный рынок, невмешательство государства в экономику и пр.). Более того, не исключено, что мы стоим перед началом нового этапа кризиса западной экономической модели, вплоть до новой «Великой депрессии»³, что с еще большей остротой поставит вопрос о поиске замены устаревшим догмам Запада.

В то же время утрата однозначного лидерства в мире ставит под сомнение основы всей западной цивилизации и ведет к резкому обострению противоречий в США и Евросоюзе, особенно если учесть, что во многом именно стратегия прогресса позволяет поддерживать стабильность в данных субъектах и обеспечивать консолидацию общества вокруг власти.

Так, для населения Соединенных Штатов принципиальным является глобальное политическое, военное и экономическое лидерство их страны. В теории такие настроения были отражены в 1990-е гг. известным

американским политологом, бывшим исполнительным директором (1985 – 1991) Ассоциации за объединение демократий А. Страусом в его концепции «униполярности»⁴. Его точка зрения состоит в следующем: «Со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной. Налицо фактически существующий «униполь». Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе. Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполюса»⁵.

Что же касается европейских стран (прежде всего, «локомотивов» интеграции ЕС), то они уже давно ориентированы на принцип «социального гедонизма», и для них глобальное лидерство (хотя бы в альянсе с США) давно оборачивается возможностью перманентного повышения уровня жизни своих граждан, что обеспечивает им и политическую стабильность. Однако и здесь понимают, что ставка на устаревшие нормы и концепции XVII – XX вв. чревата глобальным поражением и также предпринимают попытки найти выход из создавшегося тупика⁶.

Однако последние десятилетия поставили под вопрос либеральную трактовку понятия инновационности и механизмов ее обеспечения. Помимо уже указанных выше кризисных явлений все активнее становятся претензии стран «третьего мира» (причем подкрепленные соответствующими инновационными достижениями) на участие в «прогрессивной» повестке дня современности. Это касается тех государств, которые совсем недавно несомненно принадлежали мировой периферии и даже гипотетически не рассматривались в качестве конкурентов глобальных лидеров – США и Европы. И хотя их выбор в пользу инновационности развития является преимущественно политическим, однако их мотивации могут существенно различаться.

Так, некоторым из «неофитов» переход на инновационные рельсы представляется единственным шансом опередить в ужесточившейся международной конкуренции своих статусных оппонентов. Характерным примером является Китай, который, совершив инновационный рывок в конце XX в., в настоящий момент по военно-политической и экономической мощи уже опередил Евросоюз и «наступает на пятки» Соединенным Штатам⁷.

При этом КНР не только не снижает, но и стремится наращивать темпы инновационного развития. В частности, в 2006 г. китайское правительство приняло средне- и долгосрочный планы развития инновационной системы страны, сделав акцент на новых направлениях политики. Речь шла о сокращении затрат на импорт технологий, об активизации переговоров на рынке технологий, о стимулировании инновационной активности частных предприятий, о значительном повышении доли расходов на НИОКР в % ВВП, о качественно новом уровне защиты интеллектуальной собственности⁸.

Обращает на себя внимание статусность и аппаратный вес государственных структур, которые управляют инновационной системой Китая на национальном уровне:

- управляющая группа по науке, технологии и образованию Госсовета КНР как ключевой орган, отвечающий за стратегические решения;

• ряд министерств и организаций, отвечающих за разработку и реализацию инновационной политики (Национальная комиссия по развитию и реформам, Китайская академия наук, Китайская академия инженерных наук, Министерство образования, Государственный комитет по интеллектуальной собственности, Национальный фонд естественных наук и отраслевые министерства, включая Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство сельского хозяйства);

• Министерство по науке и технологиям;

• ряд министерств и агентств, косвенно влияющих на разработку и реализацию инновационной политики (Министерство финансов, Министерство коммерции и Министерство человеческих ресурсов).

С учетом того, что КНР не скрывает своих претензий на глобальное лидерство и ведет активную работу по продвижению своих национальных интересов практически во всех регионах мира, инновационный проект дает Пекину возможность не просто нарастить международный «вес» и ресурсный потенциал, но и самым позитивным образом представить западным странам привлекательную модель достижения успеха на основе сохранения традиций, причем без кардинальной ломки сложившейся политической и экономической системы.

Что же касается России, то здесь, как, впрочем, и в Китае, инициатива в деле инициирования и реализации инновационного проекта принадлежит правящей элите. Причем в основе ее тяги к инновационной модернизации лежат как объективные, так и субъективные факторы. Так, с одной стороны, она вполне эгоистично заинтересована в сохранении своего влияния в стране, что позволяет ей контролировать значительные аппаратные и бизнес-активы, с другой — она понимает, что без проведения периодических политических и экономических реформ обеспечить развитие страны будет практически невозможно.

Одним из важнейших стимулов, побуждающих российскую элиту стремиться к инновационному обновлению России, является ее желание «вписаться» в мировой истеблишмент на правах признанного «акционера», т.е. стать равноправной участницей «глобального акционерного общества», пусть даже на правах «миноритария». Определенный рациональный смысл в этом стремлении есть — процессы глобализации диктуют необходимость тесного партнерства ведущих государств мира, а Россия, начиная с 2000-х гг., претендует на восстановление статуса великой державы. Причем, по мнению большей части отечественной правящей элиты, достичь такого статуса она может лишь при активном взаимодействии с развитыми государствами мира, получив от них «пропуск» на мировой «Олимп». Соответственно усилия российского истеблишмента в последнее десятилетие направлены на завоевание такого права. Однако при этом присутствует понимание того, что такая интеграция возможна лишь в том случае, если российские политические и социально-экономические показатели будут сопоставимы с показателями «сильных мира сего». Поэтому стремление попасть в «глобальное акционерное общество» предполагает не столько ограничение своего суверенитета, сколько прагматичное и последовательное отстаивание своих прав на влияние в мире, соответствующее проценту «контролируемых акций», в диалоге со своими международными партнерами.

Еще один стимул инновационности связан со стремлением ряда стран обеспечить внутреннюю социально-политическую стабильность, прежде всего, за счет преодоления «хронической» нищеты большинства населения. В частности, это касается Бразилии и Индии, где инновационные проекты в основном имеют «социальную» направленность, хотя это не исключает также их одновременных претензий на достижение регионального лидерства и участие в глобальных альянсах, альтернативных Западу (БРИКС).

За последние 20 лет в условиях развития предпринимательства в Бразилии было создано около 400 технопарков, в которых сконцентрировано 6300 организаций и фирм с 35 тыс. рабочих мест и ежегодным оборотом в 2,5 млрд долл. США. Активно стимулировала инновации принятая правительством Бразилии в 2007 г. и реализуемая с 2009 г. программа «Первая инновационная компания» (Prime) по поддержке фирм, занятых в области разработки инновационных технологий. Эта программа действует под эгидой Министерства науки и технологий (МСТ) и реализуется Агентством по финансированию исследований и проектов (Finer) в сотрудничестве с 25 крупными технопарками, расположенными на территории всей страны, целью которых является стимулирование развития бизнес-структур, занятых в сфере инновационных технологий. Такое бурное развитие позволило Бразилии в результате инновационного «рывка» с 2003 по 2010 г. сократить уровень бедности на 50%⁹. А в августе 2011 г. президент Бразилии Дилма Руссефф представила «великие планы бразильской промышленности», призванные помочь предприятиям страны стать более конкурентоспособными на мировом и внутреннем рынке. «Это крестовый поход в защиту промышленности Бразилии, которая действует на международном рынке, где конкуренция часто несправедливая и хищная», — заявила Руссефф, объявляя о принятом решении. «Мы должны срочно гарантировать адекватные налоговые и финансовые условия для стимулирования инвестиций, не вступая в протекционизм, — добавила она. — Бразилия имеет две задачи: преодолеть последствия сильного роста национальной валюты и повысить стоимость своей продукции»¹⁰.

При этом опять же можно отметить стремление руководства страны и идеологов реформ опираться на традиции. По мнению российского исследователя М.В. Кирчанова, «современная экономическая мысль в Бразилии не сводится исключительно к изучению современной экономики — монетарной политики, банковского сектора, агроэкономики, участия Бразилии в международной и региональной экономической интеграции. Особое внимание уделяется проблемам истории бразильской экономики. Исторический опыт и наследие воспринимаются современными бразильскими экономистами в качестве важных факторов функционирования национальной экономической модели. С другой стороны, для развития современной бразильской экономической теории характерен значительный интерес к классике как национальной, так и зарубежной, в первую очередь, ближайших соседей по Южной Америке»¹¹.

Что же касается Малайзии, то здесь поддержка отечественного бизнеса и государственного сектора не подразумевала создания «тепличных»

условий за счет импортных ограничений, что позволяло сохранять здоровую конкурентную среду. Кроме того, в Малайзии развитие государственного сектора выполняло целевую задачу – перераспределение экономического потенциала между различными этническими группами в пользу коренного населения. По мере того, как госпредприятия начинали успешно функционировать, они передавались в пользование малайским бизнесменам.

Увеличение экономического потенциала позволило смягчить остроту многих социальных проблем. Доля населения, проживавшего ниже черты бедности, снизилась с начала 1970-х к середине 1990-х гг. в городах – с 22 до 4,5%, на селе – с 45 до 22%.

Для Малайзии инновационный путь является также возможностью укрепить свое влияние в исламском сообществе и даже в перспективе попытаться оспорить безоговорочное лидерство на данном направлении у монархий Персидского залива¹².

Для некоторых стран инновационная модернизация становится ныне залогом выживания и успеха в региональной конкурентной среде. Это касается, например, Республики Кореи и Сингапура. По мнению ряда аналитиков, в XXI в. основным законодателем политической и социально-экономической «моды» постепенно станет АТР. Но уже сейчас в этом регионе ведутся ожесточенные конкурентные войны. Самоутвердиться и, более того, одержать верх над противниками в этих условиях может позволить только инновационный «скачок». В полной мере это продемонстрировал Сингапур, где форсированная модернизация дала возможность резко повысить статус страны и обеспечить ей весомые экономические и политические позиции в АТР. Что же касается Республики Кореи, то здесь фактор региональной конкуренции дополняется проблемой конкуренции политических систем. С 1953 г. Республика Корея находится в состоянии холодной войны с КНДР, и ее руководству, чтобы получить поддержку населения, требуется регулярно демонстрировать достижения и обеспечивать перманентное повышение жизненного уровня своих граждан.

Особо стоит подчеркнуть, что указанные выше модели незападной инновационной модернизации в своем большинстве реализуются в рамках либо недемократических (авторитарных), либо ограниченно-демократических политических режимов. При этом в качестве «двигателя прогресса» чаще всего здесь выступает не частный бизнес, как в западных странах, а государственная власть, которая является как заказчиком, так и контролером таких реформаций. Особенно это касается КНР, Российской Федерации, Сингапура и Республики Корея, в меньшей степени Индии и Бразилии.

В качестве примера такого достаточно эффективного государственно-частного партнерства можно привести Республику Корею, где процессы концентрации и централизации капитала в экономике страны привели к возникновению крупных финансово-промышленных групп (чеболь), которые сформировались на базе торговых фирм и включают в себя компании различных отраслей, являясь огромными конгломератами. Примерно 50 таких групп играют доминирующую роль в хозяйстве страны,

среди них такие известные корпорации, как Hyundai, Samsung, Daewoo, LG. Отличительная особенность их успешного развития заключается в том, что они стремились не к краткосрочным прибылям, а к сохранению и усилению позиций на рынке, переходя от одного сектора производства к другому, более высокому в технологическом отношении. Это может служить прекрасным примером того, какую прибыль могут приносить вложения в наукоемкое производство. При этом правительство страны играет доминирующую роль в экономике, осуществляет прямой и косвенный контроль во внешнеэкономических связях¹³.

Привлекательным моментом инновационной альтернативы с точки зрения населения и руководства указанных государств является также то обстоятельство, что модернизация здесь не предполагает отказа от национальных традиций и «подгонки» под западные стандарты качества. А, как показывает практика, жесткое следование американским и европейским приоритетам далеко не всегда обеспечивает странам «отраженной модернизации» политические и социально-экономические «прорывы» (единственным исключением из этого правила является Япония, хотя и здесь весьма существенно влияние национального характера). Более того, такая зависимость от иностранного влияния зачастую ставит «адаптируемые» страны в подчиненное положение по отношению к «кураторам» и практически исключает возможность выбора ими самостоятельного пути развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко (Социологическая мысль Запада). – М.: Прогресс, 1990.

² Стратегии бизнеса: аналитический справочник / под ред. Г.Б. Клейнера. – М., 2008. – С. 38.

³ URL: <http://blogs.ft.com/the-a-list/2011/09/29/how-to-stop-a-second-great-depression/?Authorised=false>

⁴ См.: Страсс А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2. – С. 78 – 91.

⁵ Там же. – С. 78.

⁶ Gvosdev N. The Realist Prism: U.S. Policy Paralysis Risks Global Leadership Void // World Politics Review. 2011. October, 2.

⁷ URL: http://www.innit.ru/files/presentation/innovations/China_model_innovation_development_03June2009.pdf

⁸ Инновационная политика: международный опыт // Человек и труд. 2011. № 1. – С. 48.

⁹ См.: URL: <http://ria.ru/society/20110504/370710263.html>

¹⁰ URL: <http://expert.ru/2011/08/3/brazilskaya-zaschita/>

¹¹ Кирчанов М.В. Бразильская экономическая теория: между традициями и инновациями // Современные научные исследования и инновации (июнь, 2011). – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/06/903>

¹² См., например: Синецкий Н.С. Социокультурные аспекты принятия технологических инноваций на современном арабском Востоке. – URL: http://www.chiep.ru/pics/uploads/docs/NIR/CONFERENCE/Sinetskiy_N.S.pdf

¹³ См.: Тулеев А.М., Шатилов С.В. Россия перед прыжком. – М., 2004. – С. 166.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению незападных моделей инновационного развития, изучению их базовых основ и мотиваций. В работе предпринимается попытка провести типологизацию стран «третьего мира» по их приверженности к той или иной версии модернизационного проекта. При этом подчеркивается, что в большинстве случаев незападная инновационная модель предполагает активное участие государства в процессе реформирования экономики, наличие авторитарного или ограничено-демократического политического режима, опору на традиционные политико-культурные приоритеты.

Ключевые слова: инновационное развитие, мотивация, страны «третьего мира», глобальное лидерство, модернизация, авторитарный режим, традиция, конкуренция, снижение бедности.

Summary

The article discusses the non-western models of innovative development and studies its basic principles and motives. The paper attempts to divide the Third World countries into types according to their adherence to a certain version of the modernization project. It should be emphasized that in most cases the non-western model implies an active state participation in reforming the economy, as well as authoritarian or limited democratic politics and reliance on traditional political and cultural priorities.

Keywords: innovative development, motivation, Third World countries, global leadership, modernization, authoritarian regime, tradition, competition, poverty reduction.